

ГЛАВА 1

Бывают ли на свете женщины, которые любят ходить с мужьями в магазин? Поймите меня правильно, я сейчас имею в виду не визит на рынок для закупки овощей на неделю. Вот в этом случае иметь около себя представителя сильного пола очень даже полезно, его можно использовать в качестве тягловой силы. Хотя лично мне Олег мешает даже в супермаркете, слоняться с ним между рядами так же хлопотно, как с ребенком. Едва мы оказываемся в торговом павильоне, Куприна охватывает жажда.

— Есть тут вода? — с раздражением спрашивает он.

Бутылочки с безалкогольными напитками продают в большинстве случаев в противоположном конце зала, поэтому я пытаюсь вразумить «дитятку» и говорю:

— Погоди немного, ну не бегать же через все помещение туда-сюда.

На мой взгляд, человек, если он, конечно, не слонялся без воды пять дней по Сахаре, вполне способен бороться с жаждой, но у Олега иное мнение по данному вопросу.

— Хочу пить, — как заезженная пластинка, повторяет он.

Решив не потакать капризам муженька, я подхожу к витрине и спрашиваю:

— Рыбу будешь есть?

— Нет, — мрачно отвечает Олег.

— А куриные грудки?

— Нет.

— Тогда, может, котлеты, вон те, из мяса молодых бычков? Или пельмени, выбирай.

— Ничего не хочу, — тянет Куприн.

— Это сейчас, но уже через два часа ты попросишь поесть.

— Из этого мне ничего не надо.

— А из чего надо?

— Воды хочу!

Ясное дело, что, бросив заниматься закупками, мы рулим в другой конец сигарообразного помещения, и муж с радостным воплем бросается к бутылочкам. Теперь начинается следующий этап: выбор питья. Только что просто загибавшийся от жажды муженек тщательно перебирает пластиковые и стеклянные емкости. Я подпрыгиваю рядом, словно застоявшаяся лошадь. Ну сколько можно! В конце концов мои нервы не выдерживают, и я шиплю:

— Что ты ищешь?

— Воду.

— Вот она, в изобилии.

— Это все не то!

— А какая нужна?

— Кисленькая.

Услышав последнее слово, я стискиваю зубы и начинаю мысленно заниматься аутотренингом. Спокойно, Вилка, посмотри вокруг, хорошая погода, настал май, светит солнышко, птички поют, не нервничай...

— Пошли отсюда, — громко говорит Куприн.

Я выныриваю из пучины мыслей и удивляюсь:

— Ты не взял воду?

— Нет.

— Почему?

— Эта мне не нравится.

— Вся?!

— Да.

На мой взгляд, если жаждешь пить до судорог, то, не испугавшись перспективы стать козленочком, упадешь к первой же луже.

— Хочу холодной, а здесь только теплая, — продолжал Олег, — где у них холодильник?

Пришлось колесить по залу в поисках ледяной газировки. Куприн наконец-то находит нужный напиток, и тут возникает новая проблема.

— Ты пока походи по рядам, — говорит муж, — а я покурю.

Опершись на тележку, я покорно жду его у дверей. Проходит пять минут, десять, пятнадцать... Обозлившись до крайности, я выскакиваю на улицу, вижу там десятерых мрачных мужчин с сигаретами, но Олега среди них нет. Вне себя от возмущения я возвращаюсь в торговый зал и натываюсь на Куприна, который сердито вопрошает:

— Ты где шляешься?

— А сам куда пропал?

— Курил.

— Тебя не было у входа, я только что оттуда.

— Правильно, я подымил и пошел в туалет. Кстати, где тут можно перекусить? Очень есть хочется.

Часа через полтора, когда Куприн попил, покурил, пописал, поел, покурил, пописал, попил, мы наконец-то начинаем закупать продукты. Но теперь от Олега также нет никакого толку, потому что на сытый желудок любая еда кажется мужу ненужной, и он недовольно бормочет:

— Сосиски не хочу, сыр не буду, масло тоже.

В конце концов я топаю ногой и громко заявляю:

— Пойми, за харчами я могу ходить лишь два раза в месяц, изволь спокойно выбрать еду!

Вот тут Куприн замолкает и на все мои вопросы начинает отвечать:

— М-да, м-да, м-да!

Первое время я очень расстраивалась и считала, что мне в мужья достался совершенно невероятный экземпляр, экзотический фрукт, но однажды, маясь у витрин с йогуртами, я увидела пожилую пару, похоже, прожившую в согласии несколько десятков лет. Муж, тыча пальцами в упаковку сырковой массы, спрашивал у супруги:

— Ася, скажи, я это люблю?

У меня мгновенно пропала обида на Олега. Значит, все мужчины таковы.

Но прогулка в продуктовый магазин ничто по сравнению с походом за шмотками. Один раз я с Курпиным сходила в торговый центр и зареклась на всю оставшуюся жизнь повторять эту попытку. Потому сегодня, увидев, что градусник за окном показывает двадцать пять по Цельсию, я решила отправиться за летними нарядами одна. Кто бы мог подумать, что в мае у нас начнется такая жара? Я вовсе этого не предполагала и теперь в тоске разглядывала вешалки в своем шкафу. Ничего подходящего, правда, есть льняные брюки, но что надеть к ним в пару?

К сожалению, мне, как и многим семейным дамам, приходится изворачиваться, чтобы спокойно заниматься собственными делами. Первое, чего вы лишаетесь начисто, выйдя замуж, это свободного времени. Но даже если случайно выдается несколько ничем не занятых минут, большинство из нас по непонятной причине начинает испытывать комплекс вины перед семьей.

Вот и сейчас мне пришлось преодолеть множество препон, прежде чем я оказалась в ГУМе. Сначала я без зазрения совести наврала Олегу. На его вопрос: «Ты куда собралась?» — я без промедления ответила:

— В издательство, надо поговорить с редактором, у Олеси Константиновны, как всегда, масса вопросов.

— В воскресенье? — удивился Олег.

Я прикусила было язык, но поздно, одна ложь неминуемо тянет за собой другую.

— Да, в выходной. В понедельник рукопись нужно сдать.

— Ладно, — покорился Олег, — посижу один.

На секунду мне стало стыдно, но тут он добавил:

— Или сходим с Семеном в баню!

Я возмутилась:

— Оставь Сеню при Томочке, они очень редко видят друг друга.

— Должны же мы с ним отдыхать, — парировал муж и пошел складывать в сумку вещи, которые он обычно берет с собой в парилку.

Я же побежала к входной двери, предвкушая шопинг.

Через два часа примерок я, устав, словно раб на галере, доползла до кафе и плюхнулась на стул. Результатом утомительного похода стала розовенькая футболочка. Во всех отделах на вешалках висело безумное количество вещей. Войдя в торговый зал, я радостно заулыбалась, но уже через пару минут приподнятое настроение испарилось. Да, одежды полно, и на первый взгляд она кажется восхитительной, но стоит начать примерку, как становится ясно: одно не подходит по фасону, второе по цвету, третье по качеству. Если же вещь сидит великолепно, то отпугивает цена. Ей-богу, легче разгрузить состав с углем, чем купить джинсы.

Получив чашку отвратительного капуччино, я стала бездумно разглядывать людей, заполнивших зал. Внезапно мой взгляд упал на красивую блондинку в бирюзовом брючном костюме. На секунду меня ущипнула зависть. Интересно, где люди находят такие классные вещи? Который час хожу по магазину, а ничего подобного не видела! Словно почувствовав мой взгляд, женщина повернула голову, и я воскликнула:

— Аня!

— Вилка! — раздалось в ответ.

Блондинка схватила свою чашку с кофе и ринулась к моему столику.

— Аня, — не выдержала я, — ты так классно выглядишь. Извини, но последний раз, когда мы виделись, ты... Э...

— Была похожа на старую тряпку, — весело закончила Аня. — Понимаешь, я развелась с мужем и теперь снова цвету и пахну.

— А еще ты, похоже, потеряла десять килограммов, — не успокаивалась я.

— Девять, — кокетливо уточнила Аня, — при этом, учти, без особых усилий. Просто принимала лекарство под названием «Ксеникал». Скушала обед, ам таблеточку, и весь жир, который поступил в организм, — исчез! Просто и здорово.

— Да уж, — покачала я головой, — небось не слишком полезно, вон сколько сейчас всего для похудения продают, в любом киоске навалом капсулы лежат.

Аня вытащила зеркало:

— Я просто замечательно выгляжу. Да, согласна, всяких шарлатанских средств полно, но для их покупки не нужна консультация доктора, а «Ксеникал» прописывает врач. Уж поверь, я-то не дура и вредить себе не стану, знаешь ведь, как трепетно отношусь к своему здоровью. Кстати, хочешь попробовать? У меня теперь таблетки всегда с собой. Хотя тебе-то зачем? И без лекарств похожа на грабли.

Я усмехнулась: да уж, дожидаться комплимента от Аньки — безнадежное дело.

Обрадованные встречей, мы стали делиться новостями. Сначала радостными. Я похвасталась только что вышедшей книжкой и купленной футболкой, Аня рассказала о повышении оклада, потрясла передо мной

приобретенной сумкой. Затем мы стали перечислять неприятности.

— Все хорошее имеет оборотную сторону, — вздохнула Аня, — вот, купила я новую квартиру, без отделки, теперь начала ремонт. Думала, наивная Чебурашка, что смогу жить при этом там же — ну, рабочие в одной комнате возятся, в другой моя раскладушка стоит. Ан нет, находиться в доме просто невыносимо: шум, запах, сырость. Ума не приложу, куда деваться.

— Сними квартиру.

— Так на три месяца никто приличное жилье не сдает, — пожалала плечами подруга, — а то, что предлагают, лучше не смотреть, чистый шалман!

— У нас тоже напряг вышел, — я подхватила тему, — давно хотели купить дачу, деньги собрали, но тут Сеня взялся за создание нового проекта, и все накопления ухнули в бизнес. Значит, предстоит снова снимать домик, Никитку-то нельзя оставить летом в городе, ребенок попросту задохнется.

— Так в чем проблема, купи газету объявлений, — посоветовала Аня, — предложений полно.

— У нас слишком много требований, — горестно ответила я. — Первое: чтобы имелись все удобства, ребенок, сама понимаешь, нужно постирать, приготовить. Второе: дом должен находиться недалеко от Москвы, чтобы можно было спокойно ездить на работу. Третье: хочется леса, озера, красивого вида... Сколько искали, не нашли, за разумную цену, естественно. Коттедж по пять тысяч долларов в месяц нам совершенно не по карману.

— Слушай! — подскочила Аня. — Нас просто вместе господь свел. У меня есть полдома в ближайшем Подмосковье. Четыре комнаты, кухня, веранда. Места изумительные, деревня в лесу, воздух упоительный, газ, вода, сортир — полный комплект. Мебель, правда, старая, но очень приличная. Я дам вам ключи, живите

все лето и радуйтесь. До столицы езды оттуда пятнадцать минут, электрички всегда останавливаются, а если вы на машине, то вообще классно, птицей по шоссе летать станешь. Райское местечко, недалеко от дороги, но в лесу. Станция в двух шагах, а тихо. Сейчас же едем ко мне за ключами.

— Неудобно как-то, — попыталась я сопротивляться, — ты же можешь сдать домик. Знаешь, сколько сейчас за такой просят?

— Противно мне посторонних пускать, — пояснила Аня, — а вы свои. Сколько лет мы с тобой дружим?

Я быстро произвела в уме расчеты.

— Лучше не вспоминать.

— Точно, — вздохнула Аня.

— И все равно мне неудобно пользоваться твоим гостеприимством! Бесплатно!

— Вы мне тоже можете помочь.

— Каким образом?

— Совершим бартерную сделку, — прищурилась Аня, — вы на конец мая и лето в мою деревеньку, а я на это же время поселюсь у вас в одной из свободных комнат. К сентябрю ремонт закончится, и все вернется на круги своя. Идет?

— Идет, — обрадовалась я, — а почему ты сама не хочешь на воздухе пожить? Если дача близко от Москвы, можешь спокойно на работу ездить!

Аня сморщилась.

— Мне принадлежит лишь половина дома, с отдельным входом и пищеблоком, в другой части живет мой бывший супруг Альфред. Сама понимаешь, как мне охота с ним встречаться.

— Ты же вроде упомянула, что дача досталась тебе в наследство от родителей, при чем тут тогда муж, да еще покинутый? Разве он по закону имеет право на то, что завещала тебе мама?

— Мы с ним поменялись.

— В каком смысле?

— В прямом, — усмехнулась Аня. — Альфред не стал претендовать на мебель и квартиру. Выписался без писка из нашей «однушки», сказал, что давно хотел жить на воздухе. Впрочем, ему на работу не надо ходить каждый день.

— Он у тебя вроде редактор, — я попыталась вспомнить мужа Ани.

Моя подруга практически нигде не показывалась с супругом, и я видела его всего один или два раза.

— Ага, — хмыкнула Аня, — а еще поэт и музыкант. Страшное дело! На службу является по вторникам, в остальное время кропает гениальные вирши.

— Один рабочий день в неделю? — изумилась я. — Небось зарплата невелика.

— Вообще никакой, — мотнула головой Аня, — две копейки.

— За счет чего же он живет?

— Раньше я его содержала, теперь не знаю, — сказала она.

— Наверяд ли Альфреду понравится, что мы к нему в дом приедем, посторонние.

— Ему наплевать, он и не заметит никого.

— Ты уверена?

— Совершенно точно, не волнуйся. Фредька, — затараторила Аня, — жуткий скряга, он на две копейки способен месяц прожить, вечно меня куском яблока попрекал. Но к вам-то он привязываться не станет. А в быту Фред совершенный пофигист, хоть музыку на всю катушку врубай, хоть ори дурниной или циркулярной пилой орудуй, ничего не скажет. Он, когда свои стишки сочиняет, ничего вокруг не замечает. А поскольку творческий процесс у него ни на минуту не прерывается, то никаких претензий Фредька к вам иметь не будет. Ладно, хватит толочь воду в ступе, по-

ехали сначала ко мне, я возьму сумку со шмотками и отдам тебе ключи, и двинем к вам.

Не успела я ничего возразить, как Анька мгновенно подхватила меня со стула, дотащила до своей машины и привезла на новую квартиру. Пока она быстро запихивала в сумку вещи, я стояла, зажав уши руками. Подруга права, жить в подобной обстановке просто невозможно. Кажется, то, чем занимаются сейчас тут рабочие, называется «штробить стены».

Через неделю я, Кристина, Томочка и Олег подъехали к небольшому указателю на развилке. За нами катил Семен в джипе, до отказа набитом вещами. Думаю, многие из вас хоть раз в жизни да переезжали на дачу, поэтому вы очень хорошо знаете, каково собираться на три месяца за город, а уж если еще при этом имеете на руках крошечного ребенка... Десятки сумок, сотни узлов, шеренги коробок. Еще хорошо, что сейчас в нашей стране нет проблем с продуктами, а то в прежние времена приходилось еще тащить с собой банки тушенки, упаковки макарон, пачки масла.

— Пырловка, — прочитал Олег, — нам сюда?

— Ага, — подтвердила я, — она самая.

— Поэтичное название, — восхитился Куприн, — звучит, как песня! «Вы где живете? В Пырловке». Интересно, как называют себя местные жители: он пырловец, она пырловка?

— Нам же здесь не всегда обитать, — резонно заметила Тamarочка, — и потом, не все ли равно, как кого звать, главное, лес вокруг и до Москвы рукой подать.

— И куда теперь? — спросил Куприн.

— Наверное, влево, — сказала я.

— Адрес есть? — разозлился Олег. — Или мы приехали неведомо куда?

— Улица Интернациональная, дом семь, — сообщила Томочка.

Мы свернули было на проселочную дорогу, и тут Олег заявил:

— Вылезайте из машины и топайте пешком.

— С какой стати? — возмутилась я.

— Много вас, сейчас днищем по гравию заскребу, впрочем, Никитку можете оставить, — ответил Куприн.

— Собаку Дюшку тоже вытаскивать? — поинтересовалась я. — Она разъелась до пятнадцати килограммов, и небось это под ее весом «жигуль» просто перекопился!

Но Олег не заметил моего ехидства.

— Да, — кивнул он, — бери Дюшеса, пусть лапы разомнет!

Переглянувшись, мы с Томочкой пошли по дороге, Кристина бежала впереди.

— Здесь всего две улицы, — закричала она, — эта называется Октябрьская, а та, за синим домом, Интернациональная.

— Хорошо, — кивнула Томочка, — сейчас разберемся.

— А не надо, — заорала Кристина, — мы уже пришли! Этот дом, синий, нам и нужен.

Мы с Томочкой усталились на крепкую деревянную избу, обшитую вагонкой цвета берлинской лазури. Маленькие окошки украшали резные наличники. В неухоженном дворе буйно росли какие-то желтые цветочки. Чересчур теплая для мая погода стоит уже десять дней, и растения, решив, что настало лето, бурно полезли из земли к солнцу.

— Смотрите, вполне симпатично, — осторожно заметила Томочка, — похоже, нам в эти ворота, левые.

— Почему? — нахмурился Олег.

— На них нарисована цифра «семь», — объяснила Тома.

— На соседних то же самое, — начал спорить Куприн.

— Там «семь а», — спокойно возразила подруга.

Дальнейшие события разворачивались быстро, словно в мультфильме. Дверь отперли мгновенно, и пока мужчины затаскивали вещи, мы с Тamarочкой осмотрели помещение. Комнаты оказались маленькими, квадратными и даже уютными. Мебель тут, как, впрочем, и предупреждала Аня, была старой, но вполне чистой. На стенах висели незатейливые картины: пейзажи средней полосы. Очевидно, хозяева, не мудрствуя лукаво, просто купили полотна у ближайшей станции метро за скромные деньги. Но почему-то яркие картинки не раздражали, может, потому, что они не претендовали на «нетленку».

— Даже занавески есть, — радовалась Томочка, — и ванная, смотри, хорошая, совсем новая.

— Мы поехали, — крикнул Сеня.

— Куда? — удивилась я.

— На работу, — хором ответили мужчины.

— Сегодня воскресенье, — сурово напомнила я.

Олег и Сеня переглянулись.

— Полноценные выходные для нормальных людей, — сообщил Куприн, — а у нас с Сеней вечная круговерть.

— Да, — быстро подхватил тот, — ни на минуту руль из рук выпустить нельзя.

— И потом, мы вам просто помешаем, — завел Олег, — что-нибудь не туда положим или поставим...

Я раскрыла было рот, но наши мужчины уже опрометью бросились к дороге. Две машины взревели моторами и скрылись из виду.

— Знаешь, — хихикнула Томочка, — иногда мне кажется, что у Сени и Олега не так уж много дел на работе, просто им неохота сидеть дома.

Я промолчала, хотя в глубине души была согласна

с подругой. На службе вполне можно отдохнуть, попить чаю, кофе, поболтать с коллегами. И вообще, если бы все мы вкалывали, не отрываясь, положенное время, то уже давным-давно обогнали бы по уровню жизни Объединенные Арабские Эмираты.

ГЛАВА 2

Утром внезапно кончилась вода. Я тяжело вздохнула и отставила в сторону кастрюльку с остатками слегка подгоревшей геркулесовой каши.

— Воды нет, — пригорюнилась Томочка.

— Вижу, — ответила я.

— Интересно, надолго отключили?

Я вытерла руки.

— Пойду спрошу у соседей, часто ли тут подобное случается или только в честь нашего приезда?

Во дворе пахло чем-то замечательным. Я вдохнула воздух полной грудью и ухватила за корявую березу, росшую прямо у крыльца. Организм, приученный к городскому смогу, «отравился» деревенским кислородом, у меня закружилась голова.

Я села на ступеньку и пару минут тупо смотрела перед собой. Издательство ждет новую книгу, редактор Олеся Константиновна уж пару раз звонила писательнице Арине Виоловой и мягко спрашивала:

— Виола Ленинидовна, как работа продвигается?

— Семимильными шагами, — бодро врала я, тем временем поглаживая стопку абсолютно чистой бумаги. В голове у меня не было ни одной конструктивной мысли, муза улетела прочь. Вчера, раскладывая вещи, я подумала, что тут, в деревне, на свежем воздухе, я наконец-то быстренько навалю захватывающую историю, но, оказывается, кислород просто сшибает с ног, а в абсолютной тишине, которая сейчас царит в

поселке, возникает не прилив вдохновения, а безудержное желание спать.

— Ну и почему воды нет? — высунулась из окна Томочка.

— Сейчас узнаю, — пообещала я, с неохотой встала и вышла за калитку.

Перед глазами распростерлась дорога из высохшей глины, по бокам ее стояли покосившиеся развалюшки разной степени обветшалости. На ближайшем ко мне огороде мелькало туда-сюда яркое пятно. Женщина, еще молодая, одетая в красное платье, сажала на грядку какие-то кустики. Мне, человеку городскому и патологически не разбирающемуся в ботанике, было неясно, во что потом должен превратиться тонкий стебелек с двумя листочками: в помидоры, огурцы или болгарский перец.

— Простите, пожалуйста, — крикнула я.

Женщина выпрямилась.

— Здравствуйте, — вежливо сказала я.

Соседка кивнула:

— И вам добрый день. Дачку сняли на лето?

— А как вы догадались?

— Просто, — улыбнулась она, — Аня последний раз месяц назад наезжала, мы поболтали немного, а потом она сказала: «Хочу я, Ленка, дачников пустить, не будешь ругаться?» А мне какое дело? Дом ее. Конечно, если сумасшедшие приедут, вот как к Колесниковым в прошлом году — целыми днями спали, ночами гуляли, шашлык в три утра жарили, песни орали, тогда неприятно. А нормальные люди разве помешают кому, надо же ребенка на воздух вывезти. Да у нас в каждом доме, почитай, у всех жильцы. Этим и живем. Кое-кто специальные избушки для сдачи построил...

Лена говорила и говорила, монолог затянулся, и я решительно прервала его:

— Скажите, воду надолго выключили?

Она вытаращила глаза:

— Ты о чем?

— У нас из кранов вода не течет. Здесь это часто бывает?

Лена хихикнула:

— Водопровод, говоришь, накрылся? А ты туда воду наливала?

Я удивилась:

— Куда?

— Так в бак.

— Какой?

— А вон в тот.

Пальцем Лена ткнула в сторону нашего дома.

— Глянь наверх.

Я уставилась на крышу, увидела на ней серый, довольно высокий цилиндр и начала потихоньку въезжать в ситуацию.

— Погоди, погоди... Так общего водопровода тут нет?

— Не-а.

— Но в доме висят раковины, на кухне и в ванной.

— Правильно, у нас многие так сделали, это очень удобно. Натаскают воды, зальют в бачок, а потом пользуются ею аккуратненько.

Я тяжело вздохнула.

— И где ее берут?

— Воду?

— Да.

— Так в колодце, вон там, на пригорочке, видишь?

Хватай ведра и иди.

— Вот ведер мы не привезли.

— Ну и дыры.

— Верно, только Аня сказала, что в доме водопровод есть.

— Так она не соврала, есть и кран, и раковина...

— Воды только нет.

— Принесешь, и будет.

— Скажите, а где тут можно ведро купить?

Не говоря ни слова, Лена повернулась и исчезла за дверью ветхого сарайчика. Я осталась в некотором недоумении. Как понимать поведение соседки? Мне следует идти домой? Аудиенция закончена?

Не успела я сообразить, что делать, как Лена вынырнула наружу, за собой она тащила не виданную мною доселе конструкцию: огромный бидон, прикрепленный к двум, похоже, оторванным от детской коляски колесам. Сооружение имело длинную ручку, заканчивающуюся металлическим полукольцом.

— На, — сказала Лена, — пользуйся, у меня еще две таких есть.

— Это что?

— Баклажка, — терпеливо просветила Лена неразумную городскую жительницу, — в нее сорок литров акkurat входит. Васька, муж мой покойный, смастерил. Золотые руки имел, только пил сильно, вот и окочурился не в свое время. Да не о нем речь. Ведрами ты не наносишься, на втором походе свалишься, руки из плеч выдернутся. А с баклажкой милое дело. Смотри, поднимешься в горку, нальешь бидон доверху, крышку закроешь и тащи за собой до дома, никаких проблем, сам поедет.

— Ой, спасибо.

— Так не за что, — пожала плечами Лена, — мне барахла не жалко.

Полная энтузиазма, я бодро добежала до колодца, открыла пустой бидон, стала медленно вращать изогнутую железную ручку. Цепь начала разматываться, ведро, покачиваясь, поехало вниз. Вытащить его наружу уже полным оказалось не так легко, но далее предстояла совсем уж трудная задача: мне надо было перелить воду в баклажку. С первого раза это не получилось,

со второго — дело пошло лучше, на третьем ведре в руках появилась уверенность.

Ощущая себя необыкновенно сильной и ловкой, я закрутила крышкой наполненный под горлышко сосуд, повернулась к нему спиной, ухватила железное полукольцо и попыталась сдвинуть конструкцию с места. Получилось это не сразу, минут пять я пытала, пробуя справиться с повозкой, потом вдруг неожиданно легко потянула ее за собой: один метр, другой, третий... С каждым шагом баклажка сама набирала скорость, и в конце концов моя рука не выдержала тяжести и согнулась. Железное полукольцо уперлось в спину. Тут только до меня дошло, что происходит. Колодец находился на пригорке, причем довольно высоким, я сейчас иду под откос, и неподатливый бидон, который тащит вниз сила то ли тяжести, то ли инерции, простите, я плохо разбираюсь в физике, движется все быстрее и быстрее.

Я попыталась остановить тележку. Куда там! Мой вес сорок семь килограммов. Железная водовозка намного тяжелее меня, никаких шансов справиться с ней нет, остается лишь одно — хоть как-то притормозить.

Сначала я решила схватиться за близстоящее дерево, однако не успела уцепиться за ствол. Потом принялась упираться ногами в землю, но тщетно. Пришлось бежать под гору, бидон неотвратимо настигал, в конце концов он сшиб меня, и я, сама не понимая как, оказалась на нем верхом. Что я испытала, несясь с бешеной скоростью по кочковатой тропинке, поймет лишь тот, кто катился с высокой горы на абсолютно гладком снаряде, не имеющем ни руля, ни тормозов. У меня парализовало голосовые связки.

Взметая тучи пыли, я вынеслась на дорогу, увидела сбоку какую-то огромную черную махину, зажмурилась, потом открыла глаза и завизжала. Навстречу мне стремительно летел наш забор, хорошо, что он со-

стоял из насквозь прогнивших досок. Крак! Мы с баклажкой, проломив в ограде огромную дыру, влетели во двор, пропахали еще пару метров и вломились в стену дома. От удара я свалилась прямо в заросли непонятного растения, остро пахнувшего редькой. Бум! Сверху, с подоконника, упал радиоприемник, привезенный Томочкой из города.

— Эй, — свесилась из окна подруга. — Господи, что случилось?

Она произнесла еще какую-то фразу, но та потонула в грохоте. Мимо обрушившегося забора с ревом проехал грузовик. Мне стало страшно. Вот какую черную махину я видела сбоку, когда неслась на неуправляемой баклажке. Хорошо, что шофер, заметивший «всадницу», успел притормозить, иначе бы...

— Эй, — надрывалась Томочка, — да что случилось? Кто пришел? Зачем вы забор сломали? Чей это бидон?

— Все в порядке, — пробормотала я, сгребая в кучу руки и ноги, — все просто великолепно, я привезла нам воды.

— Вилка, — ужаснулась Тамарочка, — о боже! Ты расшиблась насмерть?

— Глупости, — рывкнула я и выпрямила дрожащие ноги, — ничего особенного не произошло, случилось в моей жизни и кое-что похуже.

Решив проблему с доставкой воды, я перешла к следующей задаче: каком образом наполнить находившийся на крыше бачок? Пришлось снова звать на помощь Лену.

— Эка ерунда, — спокойно сказала соседка. — Одна из вас внизу воду наливает, другая наверху на крыше сидит и ведро за веревку втягивает. Всего и делов-то, лапа.

Мы поблагодарили Лену за науку и угостили при-

ветливую соседку чаем. Выкушав три чашки, она размякла и сказала:

— Избалованные вы, городские, мало на что пригодные. Привыкли в комфорте жить. Что делать станете, коли в Москве электричество разом отключат или воду, например? Молчите? То-то и оно. Ни в жисть вам ведро на крышу не впереть. Ты, Вилка, ступай по нашей улице до конца, там, на повороте к шоссе, халабудда стоит. В ней Мишка живет, договорись с ним, он парень безработный, не гордый, возьмется помогать, будет вам воду таскать и бак заливать, дров нарубит.

— Дров? — изумилась Томочка. — Зачем?

— Печку топить, ночами-то холодно, простудите мальчишку, — вздохнула Лена.

— В комнатах батареи есть, — осторожно сказала я.

— Ага, — кивнула Лена, — у всех так, только центрального отопления у нас нет, только от печи тепло, усекли?

Я кивнула и пошла искать Мишку.

Участок его пребывал в еще большем запустении, чем Анин, помимо сорной травы, тут росли какие-то чахлые кусты, маячили остатки садовой скамейки и самая разнообразная садовая утварь.

— Миша! — крикнула я.

Никакого ответа не последовало. Я осторожно потянула на себя дверь хлипкого домишки.

— Есть тут кто? Ау, отзовитесь!

В нос ударил неприятный запах затхлости и перегара. Комната, в которую я заглянула, была настолько загажена, что жить в ней отказалась бы даже крыса. Быстро захлопнув дверь, я в задумчивости села на крыльцо. Хозяин, скорее всего, пьян, небось лежит где-нибудь в канаве. Наверное, надо забыть про бачок на крыше. Поставим баклажку у порога и будем брать потихоньку оттуда воду черпаком. Мысленно решив

трудную задачу, я захлопнула дверь и решила идти домой.

— Мишку ищешь? — прошелестел тихий голосок. Я оглянулась и вздрогнула.

Из домика высунулось существо непонятного пола, то ли старик, то ли старуха, замотанное, несмотря на жаркий день, в рваное драповое пальто с облезлым меховым воротником.

— Мишку ищешь? — повторило бесполое создание.

— Да.

— А он к дачникам попер, — закашлялось оно, — небось хочет у них на бутылку сшибить.

— Это далеко?

— По тропинке ступай, к оврагу.

Я пробежала с десяток метров и налетела на нечто похожее на деревянную трансформаторную будку. При ближайшем рассмотрении мне стало понятно: экономный строитель возвел ее из старых шпал. Куски грязной пакли свисали из щелей, но единственное окошко оказалось чисто вымытым, и на нем висели занавески в красно-белую клетку.

Я постучала в дверь. Она распахнулась, на пороге появилась молодая женщина в ярком ситцевом халатике.

— Вы кто? — спросила она.

— Ищу Мишу, вашего хозяина.

— С какой стати ему тут быть?

— Извините, пожалуйста, но в домике, том, что у ворот, маленький странный человечек сказал, что он к вам пошел.

— Это баба Ньюра, — усмехнулась дачница, — мать Мишки. Да, прибежал он, на бутылочку просил, в долг. Только, конечно, я не дала, Мишке не с чего взятое возвращать, а я не настолько богата, чтобы деньгами разбрасываться. Ушел он.

— А куда?

— Вот уж этого не скажу, — пожала плечами дачница, — мне без разницы, где этот пьяница шляется, своих забот хватает.

— Простите.

— Ничего, — спокойно кивнула она и захлопнула дверь.

Пришлось идти назад, но, очевидно, сегодня был не мой день, потому что, сделав пару шагов, я споткнулась о валявшийся шланг и, не успев вскрикнуть, рухнула в кусты, растущие вокруг. Думаю, не следует сообщать, что неведомые растения оказались усыпаны острыми колючками?

Взвизгнув, я попыталась встать, но сильно оцарапалась. Сообразив, что шипы щетинятся лишь на верхней части веток, я решила просто выползти из зарослей, заработала руками и ногами, преодолела попластунски некоторое расстояние и оказалась на свободе, но не со стороны тропинки, а с другой, там, где раскинулся овраг. Чертыхаясь, я осторожно приняла вертикальное положение и глянула вниз. Не хватало только упасть в эту грязную яму. Отвесные стены из глины сбегали к канаве, забитой всяким мусором. Очевидно, местные жители использовали овраг вместо помойки. Сейчас там валялась гора хлама: доски, пустые упаковки, рваные пакеты, ботинки, брюки... Постоите-ка! Штиблеты и джинсы не сами по себе, они надеты на мужчину, который преспокойно спит на горе объедков. Похоже, Мишка найден.

— Эй, проснитесь!

Никакого ответа не последовало.

— Миша, хочешь выпить?

Неожиданно парень зашевелился и сел.

— Кто орет? — поинтересовался он вполне трезвым голосом.

— Хочешь выпить? — снова предложила я.

- Давай.
- Сначала поработать надо.
- Делать чего?
- Бак на крыше водой налить.
- Ща, в пять минут.

Алкоголик ловко, словно кошка, вскарабкался наверх. Вблизи он оказался совсем молодым, красивым парнем. Белокурые волосы, голубые глаза, слегка курносый нос. Вот только шевелюра была не мыта, скорей всего, с Нового года, а красные веки моментально выдавали пьяницу.

— Тебе сколько лет? — поинтересовалась я.

— Восемнадцать, — охотно ответил Миша, распростирая вокруг крепкий запах алкоголя, — осенью в армию пойду, пить брошу, на шофера выучусь. Армия людям путевку в жизнь дает.

— Хорошая перспектива, — кивнула я, — значит, так, если ты берешься нам каждый день привозить воду и наполнять бак на крыше, то получишь деньги. Только не сразу, а в конце лета, всю сумму целиком заплатим, иначе пьянствовать начнешь.

Миша хмыкнул:

— Так какая разница! Пропить все сразу или по частям?

Но во мне, все детство прожившей в среде алкоголиков, не к месту проснулся Макаренко.

— Нет. Деньги в конце лета.

— А не обманешь?

— Никогда.

— Ну, — протянул Миша, — я так не хочу. Ходи, ломайся, а рубли неизвестно когда получу!

— Ладно, — сдалась я, — пошли, нальешь бачок, отстегну гонорар!

— Не, — замотал грязной головой Миша, — я лучше спать пойду, ты меня точно обманешь! Стану корячиться и получу фигу!

— Наполнишь бак, — рассердилась я, — дам тебе двадцать рублей.

— Сколько?

— Два червонца.

— Иди ты на ...! — с чувством произнес пьяница. — Нашла дурака. У нас за такие деньги никто даже не чихнет. Ты хоть в курсе, сколько хорошая водка стоит?

— Послушай, — окончательно разозлилась я, — ты небось самогонку глотаешь.

— Не-а. У нас ее никто не гонит.

— Да? — удивилась я. — А почему?

— Лень, — спокойно ответил Миша, — вымирает деревня, мужики выродились, ничего делать не умеют, бабы коров не доят, огороды большие не копают, в магазинах все покупают. Спились напрочь. Страх берет, что со страной будет, тут реформы нужны.

— Может, тебе в Думу баллотироваться? — фыркнула я. — И потом, зачем других осуждаешь, сам-то тоже за воротник заливаешь.

— Не, я совсем даже не алкоголик, — не согласился со мной парень, — просто гуляю. Вот из армии вернуться, стану шофером...

— Это мы уже слышали. Сколько хочешь за работу?

— Пятьсот, — выпалил Мишка, — за один раз.

Потом подумал и добавил:

— Рублей.

— Спасибо за разъяснение, — воскликнула я, — а то я уж подумала, что ты в долларах сумму назвал. Мне это не по карману, иди в овраг спать.

— Давай сто рублей.

— С какой стати?

— Ага, — заныл Мишка, — разбудила, с места сдернула, перебаламутила, теперь меня бессонница замучает.

— Ничего, до ночи далеко.

Продолжая мило беседовать, мы шли по едва заметной тропинке вперед. Внезапно Миша, занудно повторявший: «Дай стольник», — выкрикнул:

— Ну, падла! Поймаю, руки откручу и башку поотшибаю!

— Ты это кому грозишь? — вышла я из себя. — Совсем обнаглел! Ступай в свой овраг и спи в помойке. Нечего за мной плестись. Теперь точно тебе ничего не отломится. А если еще раз меня испугать решишь, в милиции окажешься.

— Ничего я не грозил, — пояснил Миша, — во, видишь, камень валяется? В бумагу завернутый?

Мои глаза пошарили по дорожке. Действительно, на утрамбованной траве лежало нечто похожее на комок смятой газеты.

— Хорошо, что промахнулся, — вздохнул Миша, — а в прошлый раз я шел тут, так мне булыжник в живот угодил, чуть не убил! Такой синяк остался. Ну, Федька, гад! И чего я ему сделал? Мы небось год не разговаривали!

— Ты о чем?

Миша ткнул пальцем вбок.

— Видишь?

— Что?

— Ну вон там изба стоит?

Я повернула голову влево и увидела небольшой сарайчик зеленого цвета.

— Там Федька живет, — пояснил Миша, — бирюк он, всех людей ненавидит, ни с кем знаться не желает, поэтому и поселился здесь. Вот по этой тропинке мы за водой ходим. Я, тетя Клава из двадцатого дома, Верка... Тут быстрее получается. А Федьке не нравится, что мимо него шастают, он дорожку своей территорией считает, вот камнями швыряться стал, чтобы нас отвадить. Хорошо хоть в голову не попал, урод. Пойти

бы ему морду начистить, да только страшно! Федька ведь и отомстить может.

Пока он возмушался, я разглядывала комок газеты. Интересно, зачем этот Федя заворачивает камни в бумагу? Вот уж странно! Однако он эстет! Впрочем, может, никаких булжников и нет?

Не в силах сдержать любопытство, я нагнулась и подняла «метательный снаряд». Он оказался не слишком тяжелым. Самый обычный клубень картофеля, обернутый в обрывок популярного издания. Я расправила неровно оторванный кусок бумаги и увидела на полях криво сделанную надпись: «Помогите, убивают, Мила».

ГЛАВА 3

Ведро на крышу мы с Томочкой втаскивать не стали. Оставили баклажку стоять у крыльца и решили просто брать оттуда нужное количество воды черпаком. Но вскоре эта проблема отошла на второй план, потому что появилась новая забота.

— Послушай, — протянула Тamarочка, — где тут туалет?

Я пожала плечами:

— Думаю, около ванной.

— Да? Его там нет.

— Совсем?

— Абсолютно. Во всем доме нет ничего похожего на унитаз.

— Ты уверена?

— Стопроцентно, — кивнула Томулька, — я осмотрела каждый закуток. Вчера мы бегали в лесок. Теперь пойду изучать огород. Ох, чует мое сердце, канализации здесь тоже нет. Да и откуда бы ей быть, если нет воды. Небось у забора стоит деревянная будка.

С этими словами Томочка пошла на улицу. Я же села на террасе, вытащила из кармана обрывок газеты